

Н.В. Томан

**Подступы к «
Неприступному»**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н.В. Томан**
Подступы к «Неприступному» / Н.В. Томан – М.: Книга по Требованию, 2013. – 98 с.

ISBN 978-5-458-04252-9

Николай Томан известен читателям по повестям «На прифронтовой станции», «Что происходит в тишине», «Взрыв произойдет сегодня», «Эшелоны идут под откос», «Именем закона», «Сильнее страха» и др., В книгу «Подступы к «Неприступному» вошли три остросюжетные повести ("Среди погибших не значатся", "Подступы к «Неприступному»", "Made in..."), в которых рассказывается о нелегкой, полной постоянной опасности службе советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны и в мирное время.

ISBN 978-5-458-04252-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© Н.В. Томан, 2013

Николай Тoman.
ПОДСТУПЫ К «
НЕПРИСТУПНОМУ»

ПЛАН МАЙОРА ВЕЙЦЕККЕРА

Командующий охранными войсками группы немецких армий «Центр» очень занят, конечно. С тех пор как началась эта «рельсовая война» советских партизан, он не знает ни дня покоя. Еще бы! Майор Вейцеккер хорошо помнит, как в ночь на третье августа 1943 года они обрушились сразу чуть ли не на все линии прифронтовых и тыловых железных дорог. Только в одну эту ночь от их взрывчатки вышло из строя около сорока тысяч рельсов!

Первое время никто вообще не понимал, что это такое. Казалось, что партизаны применили какую-то адскую машину для разрушения железнодорожного полотна. Охранные части начальника тылового района группы армий «Центр» были в состоянии, близком к панике.

Лучше бы об этом и не вспоминать, но, судя по всему, кажется, это только начало. Такой успех советских партизан не может не вдохновить их на новые, может быть, еще более дерзкие операции. Командующий охранными войсками, конечно, понимает это. В противном случае решил бы он разве посылать запрос о выделении дополнительных сил для борьбы с партизанами, хорошо зная, какова обстановка на фронте?

На ремонт разрушений, причиненных партизанами, он уже бросил почти все свои железнодорожные строительные батальоны, рабочие команды и даже войсковые части. А для замены исковерканных рельсов пришлось снять запасные пути станций и разъездов, разобрать некоторые ветки, на многих двухпутных участках ликвидировать вторую колею, превратив эти дороги в однопутные. Но так как и этого оказывается недостаточно, приходится привозить рельсы из Польши и даже из самой Германии.

Мало того, по личному указанию Гитлера командующий вооруженными силами Германии на Западе фельдмаршал Рундштедт потребовал от главы правительства оккупированной Франции снять рельсы со вторых путей ряда французских железных дорог и отправить их на Восток.

Да, не позавидуешь командующим охранными войсками, которые являются также начальниками тыловых районов армий «Центр» и «Юг». Не хотел бы оказаться на их месте майор Вейцеккер, даже если бы ему присвоили высокое звание генерала пехоты, как, например, у командующего охранными войсками группы армий «Центр». Что он там делает сейчас за обитыми войлоком и кожей дверями своего кабинета? Почему так долго держит

майора в своей приемной?

«Вот если бы от меня зависело увеличение численности его охранных войск, — угрюмо думает майор Вейцеккер, — он принял бы меня немедленно. Хотя куда уж больше! Его охранные посты и так расположены в одном-двух километрах друг от друга, а на некоторых участках на расстоянии всего двухсот — трехсот метров...»

Не во власти майора Вейцеккера, однако, увеличение гарнизонов охранных войск. В его обязанности входит всего лишь борьба с саботажем местного населения, принудительно привлеченного для ремонта железнодорожных путей.

Но вот открываются наконец массивные двери генеральского кабинета.

— Прощу! — небрежно кивнул Вейцеккеру щеголеватый адъютант командующего.

— Ну, майор, — не глядя на Вейцеккера, хмуро произносит генерал, — чем порадуете меня? Опять сбежали местные рабочие со строительства железнодорожного моста? Или, может быть, снова загорелся какой-нибудь из лесопильных заводов по изготовлению железнодорожных шпал?

— На этой неделе, слава богу, все пока спокойно, господин генерал...

— И вы ко мне за тем только, чтобы порадовать отсутствием подобных происшествий?

— Нет, не за этим, господин генерал. Я к вам с проектом диверсий в тылу противника.

Генерал посмотрел на Вейцеккера с таким видом, будто тот вдруг спятил.

— Диверсий в тылу русских? А вам разве не известно, что этим ведают другие службы? Подумали бы лучше, как бороться с диверсиями русских партизан в нашем тылу.

— Это само собой, господин генерал. А что касается других служб, занимающихся организацией диверсий в тылу у русских, то вы и сами знаете, каков их эффект.

— А все потому, что ни на одного русского нельзя положиться! — раздраженно восклицает генерал. — Я от подобных затей давно бы уже отказался.

— Напрасно, господин генерал, — осторожно возражает ему Вейцеккер. — Надо бы только все это совсем по-другому. Диверсантов посылают ведь без должного отбора...

— А это тоже не наша с вами забота, — снова перебивает

Вейцеккера командующий охранными войсками. — Этим занимаются органы СС. А они в проверке благонадежности смыслят больше нас с вами.

— Не осмелюсь возражать вам, господин генерал. У них бесспорно большой опыт по этой части. Однако мои личные наблюдения привели меня к выводу, что расчеты их не всегда оправдываются. Ставка же на добровольцев из военнопленных, по-моему, вообще порочна. Эти «добровольцы» лишь ищут способа снова вернуться к своим, несмотря на всю нашу пропаганду об ожидающей их расплате...

— А вы, значит, нашли иной способ заставить их честно служить нам? — иронически усмехается генерал.

— Как вы знаете, господин генерал, я не один год провел в свое время в России, выполняя там задание абвера, — с достоинством замечает майор Вейцеккер. — И если бы не состояние здоровья, я бы и по сей день работал в нашей разведке. Меня там...

— Ну хорошо, хорошо, — соглашается генерал. — Я вовсе не хотел вас обидеть. У вас есть какой-нибудь план?

— Да, есть конкретный план действий, господин генерал, — твердо заявляет Вейцеккер и достает из своей полевой сумки несколько листов бумаги. — Вот тут все подробно изложено, господин генерал. Мы должны предложить командованию группой армий «Центр» взять на себя подготовку диверсантов для заброски их в район советских прифронтовых железных дорог. Пусть даже будет это пока только экспериментом. А готовить их мы будем по методу партизанской «рельсовой войны». Их же оружием, так сказать. Ну, а что такое «рельсовая война», кому же лучше знать, как не вам, командующему охранными войсками группы армий «Центр»?

«Да, действительно заманчиво все это, — размышляет генерал. — В самом деле, я лучше, чем кто-либо иной, знаю подлинный эффект их «рельсовой войны»... Не меньшим, а, пожалуй, еще большим будет он в тылах русских войск. Никто ведь так постоянно не опирался еще на железные дороги, как русские. Благодаря этому и проявляют они свою поразительную маневренность, перебрасывая крупные воинские части и соединения на самые ответственные участки фронта. Похоже, что майор Вейцеккер неглуп. Над его предложением стоит подумать».

— И у вас есть русские люди, которые пострадали от Советской власти или уже достаточно себя скомпрометировали на оккупированной нами территории? — спрашивает генерал Вейцеккера.

— Да, господин генерал. Например, бывший дорожный мастер

Куличев, должностное лицо в системе советского железнодорожного хозяйства, возглавляющее путевой околоток. Теперь он бургомистр городка Овражков. И именно тут, в этом «заштатном», как говорят русские, городишке следует нам организовать школу железнодорожных диверсантов. Ее и возглавят бывший дорожный мастер и его племянник, бывший лейтенант инженерных войск, дезертировавший из Красной Армии в самом начале войны.

Пробежав глазами план Вейцеккера, генерал делает на нем несколько пометок синим карандашом и кладет в свою папку.

— Я подумаю над вашим предложением, майор Вейцеккер. А вы не забывайте о главных своих обязанностях — борьбе с саботажем и диверсиями.

— Но ведь борьбу с диверсиями...

— Да, этим ведает полковник Кресс, но разве вам не ясно, что саботаж и диверсии — дело одних и тех же рук. Во всяком случае, руководят этим одни и те же лица. Для меня лично в этом вопросе нет ни малейших сомнений.

— Да, господин генерал, это так. Однако...

— Все, майор Вейцеккер! Вы свободны.

Отпустив Вейцеккера, генерал приказывает своему адъютанту соединить его с полковником Крессом. А спустя несколько минут кричит в трубку:

— Что у вас там опять, Кресс? Партизаны взорвали мост?... Надеюсь, не тот, что на реке Бурной? Ах, вы считаете его абсолютно неприступным! А вот партизаны, судя по всему, этого не считают. Во всяком случае, они не прекращают своих попыток взорвать его. Что значит для нас этот мост, надеюсь, вы понимаете, полковник? В таком случае не забывайте, что вы отвечаете за него своей головой.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ « НЕПРИСТУПНОГО»

Майор Огинский и лейтенант Азаров вот уже второе утро ведут наблюдение за железнодорожным мостом через реку Бурную. Замаскировавшись в густых кустах на опушке леса в трех километрах от моста, они подолгу смотрят в бинокли, внимательно изучают каждый метр местности.

— Похоже, что наши ребята не зря окрестили его «неприступным», — чуть слышно произносит Азаров.

Не отвечая лейтенанту, Огинский продолжает изучать подступы к мосту. Что и говорить, к нему не подобрешься незаметно. На левом низком и открытом берегу к нему примыкает высокая насыпь. Она позволяет охране просматривать и простреливать все подступы к мосту с дальней дистанции. На высоком правом берегу вырублен не только лес, но и кустарник, подходивший почти вплотную к реке. Ближние подступы к мосту по обоим берегам реки ограждены несколькими рядами колючей проволоки.

— А перед проволокой, конечно, минные поля? — спрашивает Огинский Азарова.

— На прошлой неделе подорвался там Константин Малышкин. Но не столько минные поля нам страшны, сколько собаки.

— Как, и собаки там тоже?

— Да, сторожевые овчарки. Днем немцы держат их в дзотах.

— Численность охраны, судя по всему, не менее двух взводов, — продолжает рассуждать Огинский. — И вооружены они не только автоматами, но и пулеметами, конечно.

— В том числе еще и крупнокалиберными зенитными, — добавляет Азаров.

Отложив бинокль в сторону, Огинский дает отдохнуть глазам. Потом снова прикладывает к ним окуляры и всматривается в сквозные фермы моста и пространство между поверхностью воды и нижним поясом ферм.

— Какова, по-вашему, высота нижней кромки моста над уровнем воды? — спрашивает Огинский Азарова, прикидывая эту величину по делениям угломера бинокля.

— Примерно семь метров.

— Значит, сплавной миной тут не воспользуешься.

— Мы уж думали об этом. Слишком высоко.

— В самом деле, значит, неприступен?

— Я никогда этого не утверждал.

— Ну, а каков же выход?

— Нужно подумать.

— А есть для этого время? Штаб партизанского движения нас торопит. Да и сколько же можно думать? Задача эта не сегодня перед нами поставлена. Партизаны уже пытались ведь его взорвать.

— Для меня ясно пока лишь одно — лобовой атакой его не взять!

— А я бы добавил: при наших средствах никакой атакой вообще. Вот и выходит, что в самом деле неприступен, — усмехается майор Огинский.

— Нужно бы его как-то изнутри... — задумчиво произносит Азаров.

— То есть?

— Может быть, с помощью местных железнодорожников.

— Вы имеете в виду бригадира пути, путевых рабочих и обходчиков? Но ведь все они подчинены дорожному мастеру Куличеву.

— Куличев теперь не дорожный мастер, а бургомистр Овражкова.

— Но подбирал и бригадира пути, и путевых рабочих, вне всяких сомнений, он сам, себе под стать.

— Быть, однако, не может, чтобы все оказались такими же мерзавцами, как он.

— Будем надеяться, что найдутся и порядочные, — вздыхает Огинский, доставая блокнот из полевой сумки. — А теперь давайте набросаем схему моста и систему его охраны. А что касается способа его подрывания, придется, видимо, ограничиться пока лишь вашими соображениями.

— Весьма туманными притом, — замечает Азаров.

БУРГОМИСТР КУЛИЧЕВ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Всякий раз, когда майор Вейцеккер поднимает глаза на Куличева, душа бургомистра уходит в пятки. Хотя майор и не сказал еще ничего существенного, нет сомнений, что на сей раз вызвал к себе неспроста. Куличев давно уже догадывается, что немцы не случайно обходят стороной Овражков, не располагая в нем ни гарнизонов, ни комендатур. Вокруг ведь, даже во многих селах, есть не только комендатуры, но и отделения гестапо с зондеркомандами, только в Овражкове ни одного немца. Такого так просто не бывает...

И лишь когда Вейцеккер сообщает ему свой план создания в Овражкове школы железнодорожных диверсантов, Куличеву кое-что становится понятным. Особенно расспросы майора о племяннике его Тимофее, дезертировавшем из армии в начале сорок второго.

— Он, значит, не только лейтенант инженерных войск, но еще и железнодорожник? — спрашивает Вейцеккер.

— Да, господин майор. Он еще и помощник машииста. У нас в семье вообще все железнодорожники. Покойный отец его, муж моей сестры, тоже паровозным машинистом работал.

— А почему «покойный»? Он что — умер?

— Попал под бомбежку. Вместе с ним погибла и мать Тимофея, родная сестра моя...

— Значит, племянник ваш круглый сирота? А почему бы вам не взять его к себе? У него есть семья?

— Да нет, не обзавелся пока. Всего двадцать пять парню, потому и не торопится...

— А где же он сейчас?

— В городе Миргороде под Полтавой. Приворожила его там какая-то хохлушка. Я уже звал его к себе, хотя бы в гости пока...

— И что же?

— Обещался непременно приехать, да только...

— Что — только?

— Удалось ли выехать? Говорят, там фронт прорван. Советские войска чуть ли не под Полтавой уж...

— А вы поменьше верьте слухам, господин Куличев! Наш фронт, напротив, стабилизировался, и Полтава, по имеющимся у меня достоверным сведениям, все еще в наших руках.

— Ну, тогда племянник мой, значит, уже в пути и со дня на день

может пожаловать.

— Как только прибудет, дайте мне знать. Его военно-инженерные знания очень нам пригодятся. И еще одно задание вам: составьте мне список железнодорожников, которым мы можем доверять. Особенно тех, которые были в свое время не в ладах с Советской властью. Я всецело полагаюсь в этом на вас, господин Куличев, и на вашего начальника полиции господина Дыбина, — говорит майор Вейцеккер, энергично постукивая костлявым пальцем по кончику стола.

— Спасибо вам за такое доверие, господин майор! — верноподданнически восклицает Куличев, а сам не без трепета думает: «А ведь, в случае чего, он же с меня первого шкуру спустит...»

— Надеюсь также, что вы понимаете, господин бургомистр, почему нас привлек ваш захолустный городишко? Именно своей захолустностью. Тем, что не имеет он ни военного, ни экономического и вообще никакого значения.

— Но ведь в лесах партизаны... — робко замечает Куличев.

— Ну и что же? А где их теперь нет?

— Но ведь они могут...

— А надо, чтобы не смогли.

— Для этого нужна надежная немецкая охрана...

— Охрана будет только из ваших полицейских. И вы с господином Дыбиным собственной головой ответите за их благонадежность. А чтобы не охранять нашу школу от партизан, их к этому времени надо ликвидировать.

— Тоже силами местной полиции? — заметно дрогнувшим голосом спрашивает Куличев.

— Не силой, а хитростью, — уточняет Вейцеккер, спокойно закуривая сигарету.

Майор Вейцеккер долгое время был немецким резидентом на территории Советского Союза. Он в совершенстве знал русский язык и присматривал разных людей, которые потом могли бы служить фашистам. Изучал он теперь и Куличева. Типичный холуй и трус. Он заинтересован, конечно, чтобы школу диверсантов охраняли немецкие солдаты. На них можно будет положиться и в охране собственной его персоны.

Но это не входит в планы майора Вейцеккера. Немецкий гарнизон в захудалом городишке может заинтересовать не только партизан. До сих пор в нем не было ни одного немецкого солдата. Почему же теперь целый гарнизон или хотя бы просто отряд? Не затевается ли тут что-нибудь интересное для советской разведки?